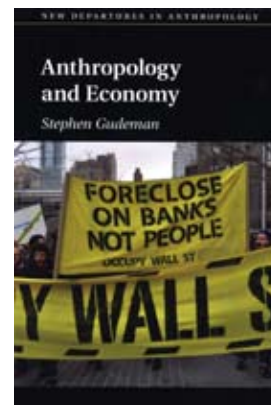

НОВЫЕ КНИГИ

Н. В. Конрой

Странные экономики, в которых мы живём

Рецензия на книгу: Gudeman S. 2016. *Anthropology and Economy*. Cambridge: Cambridge University Press. 225 p.

КОНРОЙ Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: nconroy@hse.ru

Новая книга эконом-антрополога Стивена Гудемэна посвящена анализу баланса корысти (*self-interest*) и взаимности (*mutuality*) в экономических отношениях и основывается на широком этнографическом материале, собранном автором и его коллегами в разные годы XX века. В качестве теоретической схемы Гудемэн предлагает модель пяти институциональных сфер — домохозяйства (*house*), сообщества (*community*), торговли (*commerce*), финансов (*finance*) и глобальных финансов (*meta-finance*). В данной модели сочетание торговли, финансов и глобальных финансов характеризует состояние современного капитализма. С одной стороны, сферы представляют собой историческую последовательность, отражающую изменения в скорости, количестве, уровне абстракции экономических транзакций. С другой стороны, экономические сферы взаимозависимы и существуют одновременно, в тесном взаимодействии и конфликте. Взаимодействие обеспечивается с помощью различных связывающих механизмов (рента, бартер, деньги и др.), а конфликт проявляется в моменты столкновения двух сторон экономической жизни — эмпатии и конкуренции. Особенность современного рыночного капитализма, по мнению Гудемэна, заключается в безудержном росте ренты, которая даёт банкам, производителям, продавцам товаров и услуг неконкурентные преимущества, но прикрывается риторикой конкуренции и вытесняет на периферию сочувствие как часть экономического взаимодействия. Дисбаланс порождает неравенство, от которого страдают наименее защищённые участники экономических отношений — домохозяйства и сообщества. Как полевой антрополог, Гудемэн демонстрирует приверженность дисциплинарной традиции, выступая защитником и представителем изучаемых групп, которыми, в его случае, являются не этнические, религиозные, субкультурные и проч. объединения, а люди, живущие по приземлённым правилам первых двух экономических сфер. Меры, предлагаемые Гудемэном для восстановления баланса корысти и взаимности, вряд ли могут стать предметом обсуждения правительств. В то же время книга представляет собой важный вклад в антропологическую критику современных капиталистических отношений.

Ключевые слова: экономическая антропология; сферы экономики; корысть; взаимность; рента; бережливость; неравенство.

О чём эта книга

Книга Стивена Гудемэна, профессора антропологии Университета Миннесоты, вышла в серии «Новые направления в антропологии», но концептуально и содержательно является продолжением ряда его прежних работ [Gudeman 1986; 2001; 2008] и коллективных проектов [Gudeman, Rivera 1990; Gudeman, Hann 2015a; 2015b]¹. Суммируя этот опыт, автор утверждает, что для антрополога любые экономики, традиционные или современные, являются странными и непонятными (*strange*), поскольку сочетают корысть (*self-interest*) и взаимозависимость (*mutuality*). В качестве примера типичных акторов странной экономики в начале своей новой книги он приводит инвесторов финансовой пирамиды Бернарда Мейдоффа, которые, с одной стороны, стремились «делать деньги», а с другой — хотели ощущать этническую связь с основателем компании. Выбор примера неслучаен, поскольку на этот раз антрополог пытается прояснить для читателя странности современного капитализма (именно это объясняет выход книги в названной серии). Современные экономики редко оказываются в центре внимания антропологов, хотя значительная часть странностей этих экономик укоренена на любимом антропологами и почти не изученном экономистами микроуровне домохозяйства (*economy rooted in the house*).

В действительности, считает автор рецензируемой книги, экономика домохозяйства и конкурентная торговля (*competitive trading*) — это две стороны экономической жизни, которые тесно связаны: мы одновременно и конкурируем с другими, и сочувствуем им, мы измеряем одни вещи и считаем неизмеримыми другие, постоянно сталкиваясь как с общественными, так и с личными противоречиями. Другими словами, на практике каждая экономика представляет собой подвижную комбинацию конкуренции и взаимности. Гудемэн приводит пример «крупных покупок» в Америке (машина, дом, бытовая техника), выбор которых сопряжён с высокой неопределённостью и часто осуществляется с помощью посредника-менеджера, проявляющего интерес и сочувствие к личным обстоятельствам покупателя, а в отдельных случаях даже становящегося его «другом». Такая «дружба» заканчивается вместе с подписанием контракта, и Гудемэн задаётся вопросами: как и почему (с точки зрения антропологии) коммуникабельность (*sociability*) вплетается в рыночные отношения, позволяя нам быстро обретать и терять друзей-агентов? По Гудемэну, покрывало дружбы призвано скрывать антагонизм участников транзакции, различия их интересов; оно и поддерживает, и сопротивляется рыночному взаимодействию. Договорные отношения кажутся независимыми, но на деле невозможны без человеческого общения (*sociability*), и торговые агенты часто максимизируют прибыль, прикрываясь маской дружбы. Более того, практически каждая рыночная сделка сопровождается ритуальным сдвигом в противоположную сторону, словом или действием переносится в контекст обмена, а значит, и антропологам есть что сказать о современном капитализме.

Как написана эта книга

Исследовательский интерес, метод и цель исследования Гудемэна подчеркнута традиционны (можно было бы даже сказать — утрированно старомодны, хотя автор и сам отмечает, что современные антропологи всё реже идут выбранным им путём). Он ищет сходства и различия (или, по его словам, различия сходств и сходства различий) в экономиках и проводит кросскультурные сравнения большого количества этнографических материалов, собранных в разное время в различных географических контекстах, чтобы лучше понять ситуацию, в которой сегодня живём мы, люди развитой рыночной экономики (понять других, чтобы понять себя).

¹ В рецензируемой книге использованы многочисленные примеры из исследований постсоветских экономик, которые были выполнены в 2009–2012 гг. в рамках возглавляемого С. Гудемэном и К. Ханном проекта, реализованного в Институте Макса Планка.

Он обращается как к собственным полевым материалам, собранным им в Панаме в конце 1960-х гг. и (вместе с Альберто Ривьерой) в Колумбии в конце 1970-х гг., так и к данным других антропологов разных поколений (например, он использует материалы Орди Ричардс по бемба Южной Африки и Рео Форчуна по добу Новой Гвинеи, записанные в 1930-х гг.; описание близкой к бемба группы биса, сделанное в 1940-х гг. Стюартом Марксом, и в эти же годы проведенное Дерекком Фримэном исследование ибан острова Борнео; результаты работы Эндрю Стратерна в Маунт-Хаген на Новой Гвинее в 1960-х гг. и многое другое). К осмыслению полевых материалов Гудемэн привлекает не только антропологическую теорию (Дж. Дж. Фрэзер, М. Мосс, Л. Дюмон, Э. Дюркгейм, Б. Малиновский, К. Леви-Строс, М. Салинс и др.), но и модели классической экономики и политэкономии (Д. Стюарт, А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс, В. Парето).

Чтобы облегчить читателю восприятие теории и скрасить одиночество путешествия по странам и культурам, автор не просто ведёт рассказ от первого лица, но вводит в повествование две анонимные фигуры — интерпретирующего антрополога и экономиста, который заглядывает через плечо антрополога (*over-the-shoulder economist*) и предлагает собственные объяснения увиденного.

В такой необычной компании спорящих антропологов и экономиста читателю предстоит одолеть восемь глав книги и узнать, что, несмотря на то что сегодня в повседневном и научном дискурсах понятие «экономика» порой неоправданно сужается до понятия «рынок», идею о том, что в экономической жизни высшие классы сочувствуют низшим, смягчая безжалостность рыночной конкуренции, высказал ещё Адам Смит (поэтому найти общий язык и основания антропологам и экономистам проще, чем кажется). Возможно, читатель даже согласится с антропологами, что обе стороны экономической жизни — домашняя и рыночная — существуют благодаря верованиям и ритуалам. В домашней сфере с помощью ритуала закрываются бреши в близких связях родства и свойства; в рыночной ритуалами, церемониями и магическими заклинаниями (в форме рекламы) преодолевается пропасть, разделяющая экономного домохозяина и рыночных торговцев. И хотя сегодня рынок доминирует, его стабильность финансово обеспечивается домохозяйствами, а значит, функционирование рынка напрямую зависит от эффективности ритуальной сферы.

Читатель узнает, что, с точки зрения антропологов, рыночные товары, превращающиеся в дары, связывают людей. Гудемэн приводит культуру обмена открытками в современной Америке как пример наиболее доступного и популярного средства сохранения широких связей², но и другие товарные категории по-своему служат достижению той же цели: косметика и парфюмерия, одежда и пища — все они являются магическими инструментами привлечения и удержания других. Таким образом, развитая рыночная экономика, как и любая другая, зависима от церемоний перераспределения и дележа, от ритуального календаря (не столько потому, что этот последний временно останавливает производство, сколько в силу того, что он отмечает моменты, запускающие обмен).

Наконец, выяснится, что иногда антропологи тоже строят «модели». Так, Гудемэн, сторонник сферического подхода к экономике, выделяет (в том числе как историческую последовательность) пять сфер (секторов) экономики, уровень абстракции и охвата, а также скорость и количество трансакций в кото-

² Заметный рост и до того развитой индустрии открыток отмечается после кризиса 2008 г. и в Великобритании, где, по данным 2015 г., потребление составило 31 открытку на человека в год. За 11 месяцев 2016 г. британцы отправили друг другу 105 млн индивидуальных открыток, потратив на них 184 млн фунтов, что на 15 млн больше, чем за тот же период 2015 г. Ожидаемый оборот рождественских индивидуальных и мелкооптовых открыток, продающихся в упаковках по 10–20 шт., оценивался Ассоциацией поздравительных открыток (*Greetings Card Association*) в 384 млн фунтов. Согласно исследованию *Royal Mail*, 60% британцев сохраняют традиционные адресные книги с контактами родных и друзей и предпочитают получать бумажные открытки (URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/12/17/christmas-cards-survive-digital-age-going-upmarket/>). Кроме того, растет популярность формата больших индивидуальных открыток, упакованных в поздравительную коробку, которые не только дополняют, но иногда заменяют собой подарок.

рых последовательно нарастают: домохозяйство (*house*), локальное сообщество (*community*), товарные рынки (*commerce*), финансовые рынки (*finance*), глобальные финансы (*meta-finance*).

Первая сфера (домохозяйство), по мнению Гудемэна, является наиболее сокровенным, ранним и близким к земле компонентом экономики, обеспечивающим её материальную базу³. «Следы», отголоски и метафоры домашней экономики можно найти в более поздних сферах «большой» экономики, частью и основой которых она является. В то же время эта сфера всегда неполна и несамодостаточна, находится внутри более широких социальных связей и обменов, зависит от локальных типов семьи, родственных, детско-родительских, дружеских, кооперативных и прочих отношений.

В основе экономических связей сообщества могут лежать этничность, религия, родство или другие отношения, подкреплённые практиками дележа (*sharing*), то есть совместного использования пастбищ, земель, охотничьих угодий. Экономика сообщества, как в значительной степени и товарные рынки, поддерживается не формальными договорами, а общественными соглашениями о том, что остаётся общей или индивидуальной собственностью, исключаясь из рыночного обмена. Современные рынки товаров и услуг объединяют три последние сферы — товарные рынки, финансовые рынки, глобальные финансы — и являются наиболее абстрактной частью модели.

Экономические сферы растут, сжимаются, перекрываются и конфликтуют между собой. В каждой из них по-разному проявляются противоречия между эгоистичными интересами и взаимностью акторов. Каждая из них по-своему сохраняет, преумножает и распределяет богатство, используя разнообразные механизмы (от обмена до принятия риска), хотя модели и типы распределения могут комбинироваться. Так, утверждает Гудемэн, экономность, или бережливость (*thrift*), которая в рамках домохозяйства является превентивной практикой, способом накопления и «заглушкой» на потреблении, на уровне корпораций может становиться средством извлечения прибыли за счёт сокращения количества работников или использования побочных продуктов. Гудемэн полагает, что экономия на уровне домохозяйства «субсидирует» рынок, поскольку расширение домашнего производства в условиях ограниченных ресурсов выводит часть произведённого продукта на продажу. Свой вклад в поддержание рынка вносит и сообщество, распространяя по социальным сетям информацию о качестве товаров и услуг и снижая издержки бизнеса на рекламу.

Продвигаясь от главы к главе, Гудемэн показывает, как различные экономические феномены — свободный дар⁴, рента, бартер, деньги — вписываются в его схему пяти институциональных сфер, какие вариации этих явлений возникают в каждой и какие из них являются наиболее эффективными механизмами связывания различных сфер экономики между собой. Особое внимание исследователь уделяет формам ренты (дань, десятина, арендная плата за землю, доля (процент), дивиденды, капитальная прибыль, авторские (лицензионные) платежи, профиты и т. п.), которые защищаются с помощью формирования монополий и отношений кумовства, блата, nepотизма, поддерживаются правительствами, подкрепляются идеологической и политической властью. Установление и взимание ренты ведёт к неравенству, и в трёх абстрактных сферах, составляющих современную рыночную экономику, идёт стремительное распространение и рост разнообразия ренты, получаемой бизнесом и банками кроме прибыли, заработанной в честной конкурентной борьбе. Гудемэн приводит примеры разнообразных выплат, полагающихся высшему топ-менеджменту, но редко связанных с реальной продуктивностью последнего.

³ Некоторые антропологи разделяют его взгляд на «малую» экономику домохозяйства как на основу, без которой невозможно функционирование «большой» экономики; другие видят в «малой» экономике сферу, которая неизбежно сокращается, вытесняется в угоду корысти и максимизации прибыли.

⁴ Возможность существования или, как минимум, включения свободного дара в сферу экономики многими антропологами ставится под сомнение. Гудемэн решает проблему, переопределив свободный дар как одну из разновидностей ренты.

Какое впечатление оставляет эта книга

В целом книга представляет собой интересную попытку применить сложившийся понятийный аппарат экономической антропологии и авторскую схему экономических сфер к объяснению как экономической повседневности (например, распространение бартерных клубов в Миннесоте), так и циклических проблем, затрагивающих простых американцев, и здесь антрополог оказывается верен дисциплинарной привязанности к уровню домохозяйства⁵. Гудемэн анализирует потрясения 1980–2000-х гг. (кризис кредитов и вкладов 1980-х гг., крах хедж-фонда *Long-Term Capital Management*, пузырь дот-комов (*dot-com stock bubble*) и, наконец, недавние банковский и ипотечный кризисы). Так, например, он объясняет затянувшееся после ипотечного кризиса восстановление домохозяйств разной степенью вмешательства государства в преодоление последствий кризисов 2008 г.: государство больше инвестировало в спасение банков (*underwater banks*), чем граждан (*underwater homes*). Несправедливое в отношении домохозяйств распределение господдержки в периоды кризиса, согласно Гудемэну, обусловлено тем, что домохозяйства не полностью находятся в сфере рыночной экономики, то есть являются для государства слишком приземлёнными, конкретными и далёкими от высокоабстрактной сферы современного капитализма.

Ещё одна дисциплинарная особенность этой книги, как мне кажется, проявляется в верности автора мысли о том, что антрополог должен выступать адвокатом исследуемых групп и пытаться улучшить их положение. В случае «Антропологии и экономики» такой группой оказываются все люди, чья повседневная жизнь проходит на уровнях домохозяйства и сообщества. Неслучайно для обложки книги была выбрана фотография демонстрантов движения «*Occupy Wall Street*», несущих плакат «Взыскивайте с банков, а не с людей» («*Foreclose on banks not people*»). Гудемэн размышляет о том, как можно преодолеть разрыв между абстрактной и безжалостной сферами высокого рынка и миром обычных граждан, страдающих от экономического неравенства, циклических кризисов, деградирующей экологии, от растущих явных и скрытых поборов-рент, взимаемых банками, производителями, продавцами товаров и услуг за разнообразные экономические «риски». Не все его предложения кажутся реализуемыми. Несколько утопичными выглядят попытки найти соответствия домашней экономики традиционных обществ в современных реалиях. Благим, но необоснованным пожеланием представляется идея введения добавленного налога на энергию (*energy added tax*), хотя о назревшей необходимости поиска баланса между корыстью и взаимностью с нарастающей тревогой говорят не только антропологи, что делает «Антропологию и экономику» своевременной и интересной.

Несмотря на увлекательность, сложно назвать эту книгу лёгким чтением. Даже читателю, в студенческие годы успешно прошедшему испытание антропологической классикой, потребуется некоторое усилие, чтобы, удержав в памяти многочисленные примеры, выстроить связи между ними и некоей большой идеей (схемой, моделью), которую предлагает автор. «Антропология и экономика» в хорошем смысле возвращает нас к жанру, в котором был столь силён Дж. Дж. Фрэзер, хотя Гудемэн подчёркивает, что не является приверженцем эволюционистской традиции. Наверное, иногда такие книги должны появляться и пробуждать в нас теоретические амбиции. Книгу стоит читать, чтобы расширить кругозор и окунуться в многообразие экономических практик; понять, как эконом-антропологи определяют свою позицию по отношению к современному капитализму и предлагают его усовершенствовать; и, может быть, даже для того, чтобы попытаться пересобрать кусочки мозаики профессора Гудемэна и поспорить с ним.

⁵ Конечно, его прочно удерживает на этом уровне выбранная им стратегия написания текста: привлекая обширный сравнительный материал коллег, работавших в традиционных обществах, он вынужден вновь и вновь обращаться к истокам.

Литература

- Gudeman S. 1986. *Economics as Culture. Models and Metaphors of Livelihood*. London; Boston; Henley: Routledge & Kegan Paul.
- Gudeman S. 2001. *The Anthropology of Economy: Community, Market and Culture*. Malden: Blackwell Publishers.
- Gudeman S. 2008. *Economy's Tension*. New York: Berghahn Books.
- Gudeman S., Rivera A. 1990. *Conversations in Colombia: The Domestic Economy in Life and Text*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gudeman S., Hann C. (eds) 2015a. *Economy and Ritual .Studies of Postsocialist Transformations*. New York: Berghahn Books.
- Gudeman S., Hann C. (eds) 2015b. *Oikos and Market: Explorations in Self-Sufficiency after Socialism*. New York: Berghahn Books.

NEW BOOKS

Natalia Conroy

Strange Economies We Live in

Book Review: Gudeman S. (2016) *Anthropology and Economy*, Cambridge: Cambridge University Press. 225 p.

CONROY, Natalia — Candidate of Sciences in History, Researcher, Laboratory for Studies in Economic sociology (LSES), National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: nconroy@hse.ru

Abstract

A new book by the economic anthropologist Stephen Gudeman presents the analysis of the balance between self-interest and mutuality in economic relations. It is based on the extensive ethnographic data collected by the author and his colleagues during 20th century. As a theoretical schema Gudeman offers a model of the five institutional spheres: house, community, commerce, finance and meta-finance, in which the combination of the last three characterizes the state of modern capitalism. These spheres, on the one hand, represent a historical sequence that reflects changes in the speed, quantity and level of abstraction in economic transactions. On the other hand, the economic spheres are interdependent and exist simultaneously in close cooperation and conflict. Collaboration works through various linking

mechanisms such as rent, barter, money, etc., and conflicts manifest themselves when two sides of the economic life — empathy and competition — confront each other. According to Gudeman, the feature of modern market capitalism is the unrestrained growth of rents. Rents give the banks, manufacturers, sellers of goods and services non-competitive benefits, which are covered by the rhetoric of competition and displace empathy as an important part of economic life. This imbalance creates inequality for household and community as the least protected participants in economic relations. A field anthropologist, Gudeman demonstrates the commitment to disciplinary traditions to advocate and represent the groups under study. For him, these groups are not ethnic, religious or subcultural, but all people living in the mundane rules of the first two economic spheres. Although the measures that Gudeman proposes to restore the balance of self-interest and mutuality can hardly be discussed and certainly won't be implemented by governments, the book represents an important contribution to the anthropological critique of modern capitalism.

Keywords: economic anthropology; spheres of economy; self-interest; mutuality; rent; thrift; inequality.

References

- Gudeman S. (1986) *Economics as Culture. Models and Metaphors of Livelihood*, London; Boston; Henley: Routledge & Kegan Paul.
- Gudeman S. (2001) *The Anthropology of Economy: Community, Market and Culture*, Malden: Blackwell Publishers.
- Gudeman S. (2008) *Economy's Tension*, New York: Berghahn Books.
- Gudeman S., Rivera A. (1990) *Conversations in Colombia: The Domestic Economy in Life and Text*, Cambridge: Cambridge University Press.

Gudeman S., Hann C. (eds) (2015a) *Economy and Ritual Studies of Postsocialist Transformation*, .New York: Berghahn Books.

Gudeman S., Hann C. (eds) (2015b) *Oikos and Market: Explorations in Self-Sufficiency after Socialism*, New York: Berghahn Books.

Citation: Conroy N. (2017) Strannye ekonomiki, v kotorykh my zhivem [Strange Economies We Live in]. Book Review on Gudeman S. (2016) *Anthropology and Economy*. Cambridge: Cambridge University Press. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 18, no 1, pp. 96–103. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2017-18-1.html> (in Russian).